

Вяч.Вс. Иванов, академик РАН, Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Е.В. ПЧЕЛОВА «РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ: КОМПОЗИЦИЯ, СТИЛИСТИКА И СЕМАНТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ»

Предлагаемое вниманию читателей исследование Е.В. Пчелова открывает собой ряд публикаций, отражающих научную работу нового Института Российского Государственного Гуманитарного Университета – «Русской Антропологической Школы». Одной из задач этого научно-учебного объединения является изучение символики русской культуры в её соотношении с другими традициями, призванное помочь осуществить сформулированный ещё о. Павлом Флоренским план создания *Symbolarium'a* – свода всех используемых в разных культурах символов. При этом обращается особое внимание как на универсальные символы, объединяющие между собой различные традиции, так и на специфику их воплощения в отдельных странах, которая зависит от исторических условий их бытования.

Е.В. Пчелов рассматривает многовековую историю российского государственного герба. По отношению к каждому из входящих в него элементов – таких, как двуглавый орёл, всадник на коне, поражающий дракона, и единорог – ведётся сравнительное исследование, позволяющее выявить их истоки, последовательные изменения в разные периоды, роль в общей композиции и характер их меняющейся интерпретации. Так, прослеживаемая по памятникам история эмблемы двуглавого орла в Западной Евразии документирована уже древне-малоазиатскими – хеттскими изображениями (можно заметить, что о связи орла с царской властью говорится в древнехеттском ритуале, восходящем к XVII в. до н. э.). Но для дальнейшей судьбы символа оказывается нужным сравнение не только с его продолжением в том же ареале – Византии, но и в Западной (Священной) Римской Империи. Интересны не только выявляемые отличия в понимании функций этого образа, но и связанные с разными его истолкованиями меняющиеся подробности, например, языки, высывающиеся в тех случаях, когда клювы раскрываются сообразно с новым осмыслением символа.

Из увлекательных проблем, которые ставит перед историком русской культуры исследование Е. Пчелова, можно отметить судьбу запечатлённого на печатях и монетах образа царственного всадника на коне, пронзающего копьём поверженного дракона (едва ли многие из тех, кто произносит название *копейки*, догадываются, что оно происходит от *копья*). Кажется несомненным, что этот символ, с одной стороны, восходит (главным образом через иконографию Георгия Победоносца, привлекаемую с этой точки зрения к рассмотрению в работе Е. Пчелова) к тому универсальному образу культурного героя или Бога на коне, который исследован Фонтенроузе и следовавшими за ним специалистами по мифологии, с другой стороны, важен для родословной Медного Всад-

ника и возникшего вокруг него Петербургского Мифа, на изучении которого сосредоточены усилия многих наших литературоведов.

Любопытное продолжение сулит и возможное дальнейшее сравнительное исследование других символов, обсуждаемых в публикуемой работе. Установленные в ней два разных значения образа единорога – религиозное и (в российском гербе более позднее) географическое (указывающее на Среднюю Азию – Туркестан) – могут быть рассмотрены и в более широкой перспективе, учитывающей недавно открытую роль этого символа в литературе и культуре средневековой Центральной Азии.

Отмеченные в исследовании Е. Пчелова другие эмблемы (в частности, связанные с символом дерева в сочетании с зооморфными образами) могут восходить к универсальным архетипам, в своё время раскрытым А. Леруа-Гураном.

Трансформация этих и многих других элементов российского герба, в том числе эмблем отдельных земель в их соотношении друг с другом внутри единой композиции, прослежена автором в связи с расширением границ империи. Возникающие благодаря анализу взаимного расположения частей вопросы, касающиеся ориентации при определении правой и левой сторон на центр герба или на зрителя, сходны с теми, которые по отношению к пространственности в произведениях изобразительного искусства решал о. Павел Флоренский. Как он показал, этот вопрос сопряжён с мировоззренческой установкой создателя композиции и поэтому связывает изучение организации пространства символов с раскрытием общего замысла.

Замечательно исследованное Е. Пчеловым соотношение исторических причин преобразования символики герба с индивидуальными особенностями отдельных монархов. В этом смысле чрезвычайно интересен раздел работы, говорящий о мистических устремлениях императора Павла Первого, чьи чаяния общеевропейского христианского рыцарства можно было бы сравнить с отвечавшими духу того времени мыслями, выражёнными в статье Новалиса. Попытка Павла ввести в российский герб принадлежавший ему самому как магистру Мальтийского Ордена Мальтийский крест вместе с другими нововведениями была сразу же после его убийства отменена его сыном, преемником и противником (если не одним из убийц) Александром Первым. Отчасти аналогичным образом Иван Грозный пытался навязать гербу свои апокалиптические видения, но это не сказалось на последующей традиции. Примечательно обилие и неустойчивость символов в эпоху Петра Великого, когда будущие нововведения только намечались.

Заслуживает внимания и краткая характеристика преобразования герба при Временном правительстве, когда велика была роль личного стиля художника Билибина. Что касается последующего времени, о котором по мере раскрытия архивных данных можно будет говорить подробнее, в этом разделе увлекательны наблюдения, свидетельствующие об изоморфности структуры традиционного старого и нового герба. В работе вся русская история последней половины тысячелетия показана через призму символики герба.